

Цю Жунъань словно вспомнил что-то, резко поднялся и бросил взгляд на разложенные на столе тушь и бумагу.

— Это... это ведь не Четвертый молодой господин Е тебе подарил? — запинаясь, спросил он.

Цю Жунъань округлил глаза и с подозрением уставился на Ци Юя:

— Да сколько ему лет! Неужели ты... неужели ты...

Хотя Цю Жунъань и не договорил, его мысль была предельно ясна. Ци Юй прикрыл глаза, глубоко вздохнул и лишь затем спокойно ответил:

— Помалкивал бы ты об этом. Если подобные слухи поползут, мне не жить, да и твоей учебе в Императорской академии Гоцзысюэ, считай, придет конец.

Цю Жунъань сглотнул и впился в него взглядом:

— Тогда зачем ты...

— Просто когда я в прошлый раз благодарил Четвертого молодого господина Е, мы разговорились. Он упомянул утерянную народную повесть из моего родного края Сяочжоу. Так совпало, что в детстве я слышал ее на улице от бродячего сказителя и пообещал записать ее для него по памяти.

Цю Жунъань перевел взгляд с Ци Юя на лежащие на столе перевернутые листы:

— И поэтому ты всю ночь напролет переписываешь для него эту повесть?

Ци Юй кивнул.

Цю Жунъань посмотрел на него. Такое объяснение вполне сходилось. Ци Юй всегда искал дружбы с сильными мира сего, и раз уж ему посчастливилось сблизиться с Е Мянем, он наверняка готов был трудиться день и ночь, чтобы закончить рукопись.

До рассвета Ци Юй прибрал бумагу и кисти и бесшумно вернулся в комнату. Он лег на кровать и уставился в потолок — сна не было ни в одном глазу. Сквозь полог доносился храп соседа. Ци Юй протянул руку под подушку и достал оттуда матерчатый мешочек размером с ладонь.

За пологом стояла крошечная тьма, но его это не заботило. Он привычным движением развязал мешочек, вынул его содержимое и принялся бережно ощупывать пальцами.

В его руках была позолоченная круглая ручная грелка. Ци Юй каждую ночь перед сном доставал ее, чтобы подержать в руках, бережно ощупывая пальцами каждую деталь. Он изучил ее так хорошо, что помнил наизусть расположение каждого сквозного узора и каждого лепестка в орнаменте.

Грелка была сработана необычайно искусно: шарообразный корпус состоял из двух слоев, внешний покрывала тонкая позолота, а вся поверхность была украшена резными узорами с цветами и птицами. Подобная дорогая вещица, разумеется, не могла принадлежать ему. Прошлой зимой в юго-западном углу академии, в Сухой сливовой роще, Е Мянь мимоходом сунул ее ему в руки.

Четвертый молодой господин Е, должно быть, давно позабыл об этой безделушке, да и о нем самом тоже. Ци Юй осторожно погладил кончиками пальцев очертания резной сороки на

грелке. Но сам он никак не мог его забыть.

Каждый вечер перед сном его соседи по комнате заводили привычные разговоры о знатных учениках академии. И, конечно же, речь заходила о младшем брате господина Дуаньхуа — четвертом молодом господине из клана Е, прекрасном, словно небожитель. Они судачили о том, каким избалованным и своенравным он был сегодня, как высокомерно себя вел и ни во что не ставил наставников и надзирателей, а те ничего не могли с ним поделать. Говорили они об этом так уверенно, словно сами стояли рядом и все видели.

Ци Юй не умел красиво говорить, но ему все равно отчаянно хотелось возразить им. Он хотел сказать: «Он вовсе не такой ужасный, как вы малюете! Я видел его, и он говорил со мной. Когда я провинился перед ним, он не стал меня наказывать и не смеялся вместе со своей свитой над моим жалким и убогим видом. Напротив, увидев, как сильно я замерз, он отдал мне собственную грелку. И голос его, когда он обращался ко мне, звучал так мягко и ласково...»

Но слова каждый раз застревали в горле, и он так и не произнес их вслух.

И так ночь за ночью под покровом темноты Ци Юй слушал, как его сокурсники с нелепой смесью зависти и злости беззастенчиво перемывали косточки тому, о ком при свете дня не осмелились бы и заикнуться.

В такие минуты он крепче прижимал грелку к груди, вспоминая теплый блеск улыбки в глазах Е Мяня, когда тот вложил ее ему в ладонь.

Каждый день Ци Юй прятал эту грелку в рукаве. Со временем ему стало казаться, будто вещь приворожила его: он грезил о ней и наяву, и во сне, и словно одержимый только и думал о том, как бы вновь увидеть ее хозяина.

Впервые в жизни Ци Юй всем сердцем возненавидел свою бедность и безвестность. Родись он в знатной семье, разве не мог бы он тоже с улыбкой подойти к нему, поговорить и завести дружбу, прямо как те молодые господа, что шли с ним в обнимку по роще? А не стоять, как сейчас, у ворот Двора Цижуи, ловя на себе сердитые взгляды прислужников, и не высматривать его во время полуденного отдыха у Терема Цуйхуа с такого расстояния, что и лица не разглядеть.

Но даже так ему необходимо было увидеть его хоть мельком, чтобы успокоить сердце.

Раньше у Ци Юя не было больших амбиций. С его происхождением пробиться на государственную службу было почти невозможно, так что окончить Императорскую академию Гоцзысюэ и вернуться на родину, чтобы преподавать в местном училище и пользоваться всеобщим уважением, казалось пределом мечтаний.

Но стоило ему теперь подумать об отъезде домой, где он больше не сможет ежедневно видеть его, как тоска наваливалась с новой силой. Он терял сон и аппетит, а мысли путались, словно от действия яда.

Он прекрасно понимал, что нужно делать человеку его круга, чтобы обеспечить себе надежное будущее на службе. К счастью, небо одарило его привлекательной внешностью, и через знающих людей ему наконец удалось сойтись с несколькими отпрысками влиятельных семей, обучавшимися на Ступени Кунь.

Но он никак не ожидал, что эти люди вообще перестанут считать его за человека. В тот день на прогулочном озере, не выдержав унижений, он бросился с лодки в воду, но пока плыл к берегу,

его ногу свело судорогой.

И когда посреди озера его охватило полнейшее отчаяние, больше всего он страшился мысли, что никогда его больше не увидит.

Кто бы мог подумать, что кто-то прыгнет в воду ради его спасения. А когда Ци Юй разглядел лицо спасителя, в голове у него прояснилось, а сердце забилось в каком-то безумном порыве. Он не удержался и крепко обхватил его руками.

Если бы они вместе пошли на дно, ему больше никогда не пришлось бы мучиться от этой безответной любви.

Вскоре после праздника Циси наступил праздник Чжунъюань, и в Императорской академии Гоцзысюэ по обыкновению освободили учеников на полдня.

С самого утра Е Мянью поднялся ни свет ни заря и вместе с заместителем министра Е и старшим братом отправился открывать Храм предков для совершения поминальных обрядов. В этом году к ним присоединились родственники из старшей ветви семьи, поскольку было решено передать им на усыновление его пятого младшего брата, Е Цзяо. Хотя официально усыновление еще не оформили, его отец и старший дядя провели в Храме предков много времени, подолгу переговариваясь с усопшими предками клана Е. Е Мянью стоял позади них, и его колени совершенно затекли.

После полудня, как раз к повторному удару колокола, он вошел в учебный класс во Дворе Цижуй. К счастью, наставник сегодня тоже задержался из-за поминальных обрядов.

Не успел Е Мянью сесть, как Моши сделал ему знак глазами и увел в соседнюю теплую комнату. Там он налил ему сливового чая в пиалу из белого фарфора, украшенную лепестковым узором, чтобы улучшить пищеварение, и протянул увесистую стопку писем в бумажном конверте.

Е Мянью поставил пиалу, вскрыл конверт и невольно улыбнулся: это была переписанная Ци Юем повесть.

Моши, однако, нахмурился и негромко произнес:

— И почему этот человек не соблюдает осторожность? Что, если кто-нибудь прознает об этом?

— М-м? Что случилось?

— Он пришел и даже не подумал сначала разыскать меня, а сразу потребовал встречи с вами. Моцин и Мочу, стоявшие у дверей, спросили, кем он вам приходится и приглашали ли вы его. Он ничего не смог ответить, твердил лишь, что должен кое-что передать. Мочу предложил отдать бумаги ему, пообещав передать их вам, как только вы придете на занятия, но тот отказался наотрез. Сказал, что отдаст их Четвертому молодой господину Е лично в руки.

Е Мянью растерялся.

— А разве с Мочу и остальными легко договориться? У них ведь языки как бритвы, ядом исходят, когда насмеваются. Вокруг сразу собрались любопытные. В конце концов пришел я, да и первый колокол уже прозвенел, так что он все-таки отдал мне бумаги и ушел к себе.

Е Мянью нахмурился, затем взглянул на разорванный им конверт с нетронутой до того момента плотной сургучной печатью и с улыбкой произнес:

— Ничего страшного. Должно быть, он просто побоялся передавать через чужие руки. Внимательный юноша.

В этот момент слуга снаружи предупредил, что наставник вошел во двор. Е Мянъ поспешно поднялся и обернулся к Моши:

— Передай Мочу и остальным: если этот человек снова придет ко мне, пусть сразу выпускают его и не чинят препятствий.

Моши почтительно склонил голову.

Сегодня был праздник Чжунъюань, день, когда, по народным поверьям, открываются врата подземного мира. Обычно Е Мянъ ни за что не стал бы разгуливать на улице в такую ночь.

Ведь когда он впервые открыл глаза в этой империи Великая Вэнь, стоял как раз этот день прошлого года. Такое жуткое совпадение бросало его в дрожь, поэтому всякий раз, когда при нем заходили разговоры о призраках и духах, Е Мянъ невольно содрогался.

Однако Цинь Ао из Военной академии Бинвуцзянь выбрал именно этот день, чтобы пригласить его, Ци Е и Цзян Бэйцзиня выпить вина.

Е Мянъ вздохнул. Ранее он сам просил Цинь Ао устроить встречу, чтобы помириться, когда поправятся трое избитых учеников Военной академии Бинвуцзянь. И теперь, когда та сторона уже выбрала день, переносить встречу было неловко. Пришлось согласиться, скрепя сердце.

В Императорской академии Гоцзысюэ занятия заканчивались немного раньше, чем в Военной академии Бинвуцзянь. Е Мянъ, Ци Е и Цзян Бэйцинъ уже приехали в трактир и успели осушить по два чайника чая, но компания из Военной академии Бинвуцзянь все еще не появилась.

<http://bllate.org/book/18289/1753883>